

Вадим Муратханов

Испытание
водой

Вадим Муратханов

Испытание водой

Москва

«Воймега»

2010

УДК 821.161.1-1 М91
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
М91

**Автор благодарит УПП ООО «Хунар-Унар»
и Юрия Подпоренко за помощь в издании книги.**

В. Муратханов

М91 Испытание водой. — М.: Воймега, 2010. — 36 с.

ISBN 5-7640-0106-4

Пятую книгу Вадима Муратханова составили стихотворения последних лет, цикл «Вариации на темы рока» и несколько ранних текстов в новых редакциях.

© В. Муратханов, текст, 2010
© С. Труханов, оформление, 2010
© «Воймега», 2010

Земля

Зимой земле без холодов нельзя.
Зимой часы ночные благотворны,
где каждый след и каждая слеза
затвердевают в собственные формы.

Остатки луж держа перед собой,
как хрупкие мозаики музеев,
она дневную превращает боль
в среду хрустальных трубок и лазеек.

Снег

В смертельный не вступая бой,
лежит, ручьями не растоплен,
у темных елей за спиной
нетронутым Константиноплем.

Там строят белые суда,
и обсуждают день вчерашний,
и за термометром следят,
прикованным на главной башне.

* * *

Проспать весну с ее ознобом,
с ее двором, где день-деньской
намокший снег, не помня неба,
совокупляется с землей,

и спохватиться в странном мире,
зеленом мире. Ну и что ж?
В цветы и птицы будешь принят,
как только облака сочтешь.

Но зренью новой пищи просит
и обрывает счет на двух.
Собака лает. Ветер носит
над домом тополиный пух.

Свет

Внезапно в доме отключили свет.

Старушка перед экраном потемневшим
вдогонку недоговоренной фразе
глазами еще несколько секунд
нащупывает мыльную поверхность
бразильской мелодрамы. Наконец
отводит взгляд, программу достает,
как бы стремясь в скупой газетной строчке
развитие сюжета угадать.

Женщина за письменным столом,
устало опустив худые плечи,
свое в дисплее видит отражение
взамен свечения несохраненных букв.
Она, вздохнув, очки кладет на стол
и в комнату соседнюю идет,
чтоб позвонить подруге.

Привычные и умные предметы
беспомощно таращатся вокруг
безвременно погасшими глазами.

Природа оживает, между тем.
Ее синица где-то за окном
поет о том, что в пыльном междутемье
листвы вечерней места хватит многим
желаньям, сожалениям, и света
до сумерек должно хватить на всех.

Прохлада

Лето. Людей покинули силы.
Кружку губам донести – и ладно.
Где-то там, за горами синими,
ходит вдали от людей прохлада.

Ходит вдали белоснежным теленком.
И от нее получает лето
только с трудом узнаваемый голос
на пленке арычной ленты.

Фонтан

До края достают слегка
фонтана ледяные жала.
Неуловима и близка
скользящая граница жара.

Не там, где в средоточье бьют
неунывающие ранки,
а там скрывается уют,
где тают лужи в черной рамке.

* * *

Пройти испытание ванной,
где пахнет снотворно белье,
где страх посещает незванный
сознание мое,

где чье-то проклятье былое
и начерно прожитый день
отмокшим невидимым слоем
меня покидают в воде,

и шепчут, забытые глухо,
и жаждут вернуться назад,
и плещутся рядом, и в ухо
проникнуть хотят.

Мне их заговаривать робко,
мне с ними прощаться извне,
пока не спасет меня пробка,
мерцающая в глубине.

* * *

Молла-Кора. Стоячая река.
Здесь можно плавать, не умея плавать.
По глади матовой скользят, как облака,
не подымая брызг, чтоб не заплакать,

купальщики. Здесь трудно верить в боль
обид, измен, в дыхание азарта.
+45. В июле держит соль
надежней мягкотелого асфальта.

Всяк сам себе и лодка, и Харон
в безмолвном изучении излучин.
Два берега равны. И с двух сторон –
скупая роскошь зелени колючей.

Как ты права, недвижимая среда!
Куда струить себя? Пески повсюду.
За горизонтом – город Небит-Даг.
На самом въезде – памятник Верблюду.

Еще есть вышки в двух часах езды,
качающие нефть для стран неблизких.
И больше – ничего. И нет воды,
кроме твоей, до самых волн каспийских.

Капчагай

Б. Канатьянову

Песчаный город Капчагай.
Он рос не возле очага,
над ним легенда не витала.
А был он, погруженный в сон,
сюда ветрами принесен –
клочок столичного квартала.

Среди степей, где поезда
идут, не замедляя хода,
искусственна его вода,
искусственна его природа.

Но на краю, где светофор
глядит в расплавленный простор,
моргает, полон опасенья,
надежно врытое в песок,
уже готово колесо
для будущего обозренья.

В разгаре утро. Мать пока
мою кровать не застилает,
вдоль подоконника стирает
дорожку тонкую песка.

* * *

Мой старый дом, заросший сад
и инструмент в ладонях слабых.
Другие руки век назад
привили этот цвет и запах.

Но кажется: за шагом шаг
стволы и ветхие стропила
в младенчестве моя душа
сама из времени слепила.

Поэма двора

1.

Таскает воду Сабутхон-ака
под ноздреватый ствол гигантской груши.
Плоды устали криком истекать:
«Снимите нас! Спасите наши души!»
Но их не слышно. Шелестит вода,
и тянется система корневая
поближе к центру тяжести, туда,
где предки спят, в могилах дотлевая.

2.

Прохлада, мухи, скучный хлебный дух.
За белыми саманными стенами
стоит аяшкин кованый сундук.
И курпачи, что сложены не нами,
горой на сундуке. Мечталось мне
на курпачи, где, как картина, в раме
арабской вязью строки на стене
придуманы и сложены не нами.

3.

Назад, во двор. А жар уже расцвел.
Асфальтовые змейки перегрева
в углах двора. И лишь шершавый ствол –
живой прообраз родового древа –
навис шатром корявым надо мной
и мир двора большого продлевает.
А братья не торопятся домой.
А дядя мой деревья поливает.

4.

Как мне избыть мой бесконечный день,
мой белый день потерянного края?
В какие формы разум ни одень,
как ни скобли, из памяти стирая,
глаза закроешь – снова десять лет.
Земное остановлено вращенье.
Ком глины – в бездну едкую, и вслед
за ним дитя. И нет тебе прощенья.

5.

Наколотый на щепку богомол
противника не различает ясно.
Вернулись братья. Накрывают стол.
Пьют чай с лепешкой, сахаром и маслом.
Вот старший брат, минуту улучив,
кивает молча в сторону сарая,
где наши деревянные мечи,
и паутина, и земля сырая.

6.

Мы бьемся до победного, всерьез.
Мы метим в шею, голову и печень.
И весело, и боязно до слез –
но выбит меч, и защищаться нечем.
Убит. Азарт борьбы растрочен весь,
оставил только содранную кожу.
Как ссадина, полученная здесь,
на реки кинокрови не похожа!

7.

Но дайте срок. Покуда младший брат
не ведает еще и не гадает,
что топором от имени двора
он по стволу шершавому ударит.
Плоды разбились всмятку, переспев.
Едят их мухи, муравьи и осы.
Читает мать молитву нараспев,
а Сабутхон-ака все воду носит.

8.

Мой белый день, мой бесконечный день,
пока еще ты не свернулся в трубку,
ты подари мне всех своих людей,
наполни, напитай меня, как губку.
Коварно время. Быстротечен век.
На курпачи, что сопричастны тайне,
мечталось мне, туда, на самый верх.
Потом, потом... и не сбылось мечтанье.

На берегу

По пуговицам, петлям и погонам
военного сукна,
словно по километрам законным,
взгляд молчуна.

И снизу вверх опаздывает сердце
на миг, на стук.
Ах, никуда теперь уже не деться
из цепких рук.

Они готовят сына к чудесам,
большим и важным,
подбрасывают трижды небесам
и ловят дважды.

Кормление чаек

Порезанный мельканьем белых крыл,
солёный день остановил течение.
Я с чайкой осторожной говорил
на эсперанто хрупкого печенья,

а он все длился. В нём я не был мной,
забыл следить, как палуба дрожала
и море мраморное за кормой
резных мечетей кубики держало.

И если вниз на воду не смотреть,
то кажется, что он ещё не минул.
Зависших птиц медлительная сеть
ещё скользит над этим тонким миром.

Понтифик. Прощение

1.

Когда он произнес свое «согласен»
(и дым оповещающей трубы
еще, колеблясь, выбирал оттенки),
он знал, что с ним прощаются навек
сырые своды краковского неба,
костер в лесу, прогулки по реке
и строки недописанной поэмы.
Судьба – байдарка ныне. Ею правит
незримая и твердая рука.

2.

Но бремя тяжкое страданий мира
как погрузить в нее, не расплескав
литую чашу предстоящей боли?

3.

Неслышимый в суматохе, третий выстрел –
случайный фотокамеры щелчок.
Евангельский сюжет мерцает в снимке:
раскинув руки, падает понтифик
в людские волны навзничь. Боль его
нерастворима.

4.

Он шагал в молчанье
тюремным коридором. Кровь в висках
стучала. Заживающая рана

некстати вдруг заняла, неразумно
взывая об отмщенье. По бокам
почтительные шли карабинеры,
и не было Симона среди них.

5.

Я лишь затем бы овладел турецким
и выучился чтению по губам,
чтоб разобрать, что говорил Али,
чему он так смеялся простодушно.
Рассказывал о доме, о семье?
О родине, с которой в этой жизни
увидеться ему не суждено?
Прикрыв глаза рукой, понтифик слушал.
Так жертва назначала палача
невольным соучастником победы
любви над смертью.

6.

Белая стена,
не помещаясь в камеру, плыла,
окрашивалась сполохами. Солнце
на ней всходило. В хрупкие дома
ослепшие врезались самолеты,
бежали обезумевшие люди,
крушенья шелест слыша за спиной...

7.

Улыбчивый Али был оживлен,
но с каждым словом наклонялось ниже
усталое и скорбное лицо.

* * *

Блюститель таинств бытия,
даруй мне благо привыканья.
Ведь нет пророка у ручья,
у птицы, дерева и камня.

Но болью каждый миг прошит.
Душа торопится, чужая,
и зеркалом кривым дрожит,
творенья не отображая.

И, некогда зеленый, сон
тяжелым хмелем в сердце бродит.
И чувство, сильное, как слон,
в мой мир ненастоящий входит.

* * *

Измеренье комнаты. Безвременье
выходной спасительной среды.
С каждым шагом медленнее зрение,
глубже попадание в следы.

Вывернут сегодня наизнанку
внутренний зеленый мир.
Не друзья ли детства спозаранку
шелестят, не ведая квартир?

Я достигну градуса покоя
(раз, и два, и три, четыре, шесть).
Гаснет день. Друзья уходят стоя,
не переставая шелестеть.

Случай в горах

Все видели его в лицо,
небритого, в помятой кепке.
Мы рано спать легли. Был сон
в горах на удивленье крепким.

Он должен был лишь сниться нам.
Но несколько мгновений странных
он шел бесшумно по камням
и таял в залежах тумана.

О нашей ночи между скал
мой друг, который был поэтом,
стихотворенье написал,
где не упомянул об этом.

Другой мой друг, что жил средь книг
и бородой страниц касался,
не сделал записи в дневник
и дату вспомнить отказался.

Он не ушел. Он невредим.
Он прячется под верхним веком.
Я скоро окажусь один
с моим небритым человеком.

Микки-Маус

Лишь только сон коснется глаз –
словно на камеру снимаясь,
пускается в беззвучный пляс
мой черно-белый Микки-Маус.

Усну – проснусь, усну – проснусь,
усну – и никогда не встану.
Биг-Бен заучит наизусть
свой смертный час. По Туркестану

бархан дошелестит до гор
и повернет назад в тревоге,
но ни кибитка, ни костер
ему не встретятся в дороге.

А голливудский персонаж
все так же будет прыгать в танце
и в лунный ледяной пейзаж
тряпичной мордой улыбаться.

* * *

Дом пропитан тьмой неизлечимо.
Тают стены. Ощупью – в кровать.
Ты уже почти неразличима,
не окликнуть, слов не подобрать.

Можем ли, смежая на ночь веки,
думать, что воротимся сюда,
расставаться, словно не навеки?
Черная вода, громады льда.

И плывут неведомые двое,
вылитые в горнем хрустале.
Беззащитны перед каждой волей,
перед каждой вещью на столе.

* * *

И снова Новый год придет туда, где нас нет.
Игрушки на уме, метафоры одни.
В бесснежной темноте рождаются и гаснут
у сварщика в руках бенгальские огни.

Остынет твой порог. Услышишь, засыпая,
как ходит под окном бездомный Старый дог,
скольжение дуги последнего трамвая
по влажным проводам светящихся дорог.

* * *

Мне снился снег. Но непроглядна темь
за окнами, и рано подниматься,
хотя часы высвечивают семь
пятнадцать.

Ты ль это был, непонятый пророк,
пришедший миру возвестить о стужах?
Тебя ль мы не пустили на порог?
Твое ли тело растопили в лужах?

Кто прочитав успел твои следы,
круги разновеликие запомнил,
когда касался ты ночной воды
крупинками остроконечных формул?

* * *

Отчалить случайным движеньем во сне,
не мучась, не каюсь,
овечьей тоски не вкусив напоследок, –
такая судьба есть.

Сойдутся друзья удивленно глядеть,
не ведая брода, –
верны навсегда и стройны навсегда
и чернобороды.

Нет-нет и украдкой заглянешь сюда
в трудах суеверных:
течет ли еще голубая вода
у памяти в венах?

* * *

А помнишь, в ледяной купели,
где промелькнула возле ног
спина испуганной форели,
ты долго выстоять не мог?

Не нов для мира ты, не вечен.
Тебе не предоставят кров
укромные тела скворечен,
огромные тела китов.

Уйдешь, оставив без присмотра
и стол, и дом, и урожай, –
уже наутро буквы стерты,
пуста заветная скрижаль.

Но никогда шагнуть не рано
в ту воду: во вчерашнем дне –
реки извилистая ванна
и рыба-молния на дне.

Вариации на темы рока

Intro

Вызывающе хрупкие, неудобные, непрактичные,
с дорожками, лишь по наитию различимыми,
красавицы, плавно покачивающие
бедрами виниловой ночи.

Эту музыку можно посадить на иглу
и заляпать руками.

Procol Harum. Fires (Which Burn Brightly)

Она была оттуда, из старого «Горизонта»,
солнечным днем впускаящего в аквариум фильма
мебель, ковер, окно и вздыхающую занавеску.

Из этих «Розыгрышей», черно-белых «Валентин»
и «В моей смерти прошу винить...».

Но как просочилось за железный занавес
мое герметично хранившееся время?

Неисповедимы пути мелодий.

Я купил ее у седого фарцовщика
с волосатой грудью, запахом изо рта
и татуировкой на левой руке,
которой он продавал мне пластинку.
Странно, что я его не ударил.

David Bowie. Life On Mars?

Микки-Маус, Кот в сапогах,
Белоснежка и гномы,
за руки взявшись, танцуют
посреди каменистой пустыни.
Музыка им не нужна,
а стало быть, и воздух не нужен.
Зрители им не нужны,
ибо камеры нет в нарисованном
замкнутом мире.
Шторы задернем – небо бледнеет –
выключим свет...

Pink Floyd. Vera

Когда мал или болен,
не смотришь на груди и бедра.
У этой маленькой старшеклассницы
были пшеничные волосы,
хрупкие руки
и имя Вероника, словно из какой-то
«В гостях у сказки».
Встреченная на перемене
в изломанном, из корпуса в корпус тянущемся
коридоре (на его преодоление в оба конца
уходила вся перемена),
она искупала собой бряцанье пеналов,
вызовы родителей к директору,
стояние у доски.
Рано звонок на урок,
но времени много,

чтобы не торопясь повзрослеть
и жениться на Веронике.
Где они теперь, весталки дряхлеющей религии,
комсомолки-вожатые в алых галстуках –
этот последний оплот, женский батальон
бессмертного бровеносца,
слабым манием руки посылаемый
в гудящие классы?
Товарищ-Время,
казавшееся резиновым,
тянулось так долго,
но порвалось в один миг.

Deep Purple. Shield

Плюшевый медвежонок
идет по зимнему лесу.
Бусины глаз, не умеющие моргать,
с любопытством смотрят на снегопад –
белый кровоток спящих стволов.
Клыкастые чудища,
сотворившие его по образу-подобию своему,
не встретятся на пути:
медвежонок не пахнет
кровью и молоком.
Да и кто велел ему
покидать свое место на коврике
ради встречи с богами.

Doors. Strange Days

Неотступная юношеская фантазия:
я заброшен на секретный объект,
еду в лифте с вражеским генералом.
Он заговаривает со мной.
Не разобрав вопроса,
зажмурившись, отвечаю
на школьном нелепом английском.
“Oh, You’re o’key”, –
хлопает по плечу генерал,
выходит из лифта.
Я понимаю, что принят, прощен.
Больше не будет унылых линеек
и сборов металлолома.
Будут зеленый Вудсток,
бородатые «Криденс»,
Дженис Джоплин,
пахнувшая бензином и сексом.
Они говорят:
выбери столетье, живи в нем,
обустройствайся...
Но время стареет раньше меня,
лишается вкуса и запаха.
Вот уже только хаммонд Манзарека
лопается на зубах
красной икринкой.

T. Rex. Children Of Rarn

Черный художник
на прозрачную плоскость
небывалые краски наносит.
Подымаясь на цыпочки,
силится дотянуться повыше.
Что узнаёшь в картине?
Дедовский старый ковер.
Те же цветки-завитки,
носатые морды узоров –
но вместо полинявшего, облысевшего ворса
краски горят небывалым огнем.
Только бы не обернулся.

Pink Floyd. High Hopes

8 минут 6 секунд
на прожитие жизни.
Поле ржаное,
звон колокольный, последний отсчет.
Разве друг тебя не предаст
на четвертой минуте?
Или с женой не простишься
на исходе седьмой?
Все уже было. Пустишься в поле –
заблудишься в поле.
Где-то вдали
колокол смолкнет.
Тьма упадет...

Содержание

Земля	3
Снег	4
«Проспать весну с ее ознобом...»	5
Свет	6
Прохлада	7
Фонтан	8
«Пройти испытание ванной...»	9
«Молла-Кора. Стоячая река...»	10
Капчагай	11
«Мой старый дом, заросший сад...»	12
Поэма двора	13
На берегу	16
Кормление чаек	17
Понтифик. Прощение	18
«Блюститель таинств бытия...»	20
«Измеренье комнаты – безвременье...»	21
Случай в горах	22
Микки-Маус	23
«Дом пропитан тьмой неизлечимо...»	24
«И снова Новый год придет туда, где нас нет.»	25
«Мне снился снег. Но непроглядна темь...»	26
«Отчалить случайным движеньем во сне...»	27
«А помнишь, в ледяной купели...»	28
Вариации на темы рока	
Intro	29
Procol Harum. Fires (Which Burn Brightly)	29
David Bowie. Life On Mars?	30
Pink Floyd. Vera	30
Deep Purple. Shield	31
Doors. Strange Days	32
T.Rex. Children Of Rarn	33
Pink Floyd. High Hopes	33

В издательстве «Воймега» вышли следующие книги:

серия «приближение»:

Ольга Нечаева «Птичье молоко»

Алексей Тиматков «Воздушный шар»

Андрей Чемоданов «Совсем как человек»

Всеволод Константинов «Седьмой путь»

Александр Сорока «Тутырь»

Александр Максимов «Новый год-II»

Александр Переверзин «Документальное кино»

Михаил Свищёв «Последний экземпляр»

Мария Тиматкова «Настоящее имя»

Светлана Бунина «Удел цветка»

Ната Сучкова «Лирический герой»

Денис Новиков «Виза»

Ирина Ермакова «Улей»

Ян Шенкман «Скоро придёт конец птице, оглохшей от собственного пения»

Григорий Кружков «Новые стихи»

Александр Тимофеевский «Размышления на берегу моря»

Андрей Василевский «Всё равно»

Игорь Меламед «Воздаяние»

Инга Кузнецова «Внутреннее зрение»

Дмитрий Зиновьев «Снимок на память»

Лета Югай «Между водой и льдом»

Андрей Василевский «Ещё стихи»

Книги можно приобрести в магазинах:

Книжная лавка Литинститута, Тверской б-р, д. 25

«Фаланстер», М. Гнездииковский пер., д. 12/27

Вадим Муратханов. Испытание водой

редактор: А. Переверзин

художник: С. Труханов

фото на 1-й странице обложки: М. Штох
фото на 4-й странице обложки: Г. Власов

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost@inbox.ru

Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Формат 60x90 1/16
Тираж 500 экз.

Вадим Муратханов родился в 1974 году во Фрунзе (ныне Бишкек). В 1990 году переехал в Ташкент, где окончил факультет зарубежной филологии Ташкентского государственного университета. Стихи, переводы, проза публиковались в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Арион», «Новая Юность», «Звезда Востока», «Интерпоэзия», антологиях «Освобожденный Улисс», «Анор/Гранат» и других. Автор четырёх книг стихов. С 2006 г. живет в Московской области.